

УДК 316.4.063.7(575.2)(04)

ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

(1960–1980-е гг.)

С.В. Плоских

Рассматриваются взаимоотношения интеллигенции и власти в Кыргызстане 1960–1980-х гг.

Ключевые слова: интеллигенция; власть; партпостановления; критика; история; литература; искусство; религия.

Время 1960–1980-х гг. по-своему уникально: именно в этот период страна начала свой долгий и не всегда гладкий переход от диктата грубой силы к верховенству культурных и правовых ценностей, которыми живет цивилизованный мир. Первопроходцы – представители двух поколений интеллигентов и госслужащих 60–80-х гг. прошлого века встретили на этой тропе немало крутых поворотов и тупиков. Какие из них были неизбежны, а каковых вполне можно было избежать? При этом вполне естественно, что политика в союзных республиках следовала указкам центра, имея и свою специфику.

Нам сегодня легко упрекать наших предшественников в досадных промахах. Но в подобных упреках нередко кроется непонимание нюансов массового сознания того времени, породивших свои заблуждения и гениальные озарения. Чтобы понять их смысл и истоки, попробуем для начала определить основные императивы, на которых строилось мышление людей времен хрущевской “оттепели”, а затем – и брежневского “застоя”.

“Родимое пятно” сталинизма

Известно, что каждая новая эпоха продолжает предыдущую и потому неизбежно несет на себе ее “родимые пятна”, комплекс унаследованных традиций и стереотипов. Эта аксиома верна и для Киргизии 1960-х гг. Основные клише ее умонастроений уходят корнями во времена сталинизма. Как известно, интеллектуальная элита республики тогда не избежала участи интеллигенции сталинской поры, прошедшей через сито политических “чисток”. Очевидно, причиной таковых был не один лишь злой умысел сталинистов, якобы отошедших от ленинских принципов. Российский исследователь А.М. Дубровский в монографии на тему “Историк и власть”

доказывает, что сложившаяся к концу 1930-х гг. в СССР система репрессий стала закономерным итогом соприкосновения утопической идеологии большевизма с действительностью, что утопией оказались на практике наиболее привлекательные для интеллигенции постулаты марксизма о всеобщем народовластии в условиях социализма и постепенном отмирании государства как института подавления личности [1, с. 21].

“Самый гуманный строй в мире” постоянно нуждался в антигуманных мерах. Осуществлявшейся их партократии требовались помощники, в том числе и в лице представителей интеллигенции, абсолютно послушных власти. Они и сформировались в условиях сталинских репрессий. В Киргизии их жертвами стало немало лучших сынов отечества. Если среди политиков это была плеяда единомышленников К. Тыныстанова, то в среде людей творчества попали под жернова политической мельницы, например, писатели, литературоведы Т. Байджиев, З. Бектенов, Р. Касымов, Т. Саманчин. Таковы результаты директив Центра, проводимых местными партийными руководителями вроде Балтина, Нурова и Самганова. А кто выжил под их прессингом, вынужден был приспособиться, глубоко укоренив в себе страх перед возможной отправкой “в места не столь отдаленные”, а то и расстрелом [2].

В чем же особенность кыргызского интеллигента эпохи сталинизма? Если социальная революция уничтожила сословность, разделявшую общество на народ и элиту, то культурные преобразования за два десятка лет двинули ее по пути преодоления цивилизационного разрыва в повседневной жизни миллионов людей. В невообразимо короткий срок материальные возможности людей перестали быть существенным

барьером между ними и культурой, приобщение к ней значительно меньше стало зависеть от социального статуса людей. И по масштабу, и по темпам эти изменения и в самом деле можно считать общенародной культурной революцией. Разумеется, сыновья чабанов и дехкан не могли в одночасье стать горожанами и стопроцентными носителями “социалистической культуры”, изрядно русифицированной силами партийного руководства. Храня в своем подсознании родные запахи джайлоо, кыргызские интеллигенты той поры воплощали собой заработанный в поте учения “пролетарский интернационализм”.

“Хрущевская оттепель” положила конец страху перед арестами. Исчез ли в результате этого привычный для советского интеллигента трепет перед властью? Как известно – нет. Он приобрел новые формы. Видоизменились и способы воздействия власти на интеллигенцию, оставшись при этом командно-авторитарными. В условиях таких перемен советской Киргизии требовался новый лидер. И он не заставил себя долго ждать...

“Хрущевская оттепель” со сталинским акцентом

На минуту представим себе, что наверняка испытывал любой кыргызский партийный и государственный служащий того времени после XX съезда КПСС, поставившего точку в истории эпохи “культы личности” Сталина. Еще вчера ошелюманная когорта интеллигентов была признана властью. Тому свидетельство вышедшее 15 августа 1956 года постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении ряду жертв репрессий Ленинских премий за достижения в интеллектуальных сферах [3, с. 136–139].

Впрочем, к тому моменту политическая элита Киргизии отличалась наработанными годами готовностью к самым неожиданным поворотам. Психологический портрет типичного функционера тогдашней власти в Киргизской ССР характеризовался двумя чертами: искренней преданностью Компартии и готовностью пойти по ее приказу порой даже вразрез с базовыми идеологическими установками марксизма. Были ли представители такого типа беспринципными? По крайней мере – не все, о чем есть масса свидетельств проявления высоких моральных качеств ряда лидеров КП. Нельзя назвать этих людей и неспособными критически мыслить исполнителями. О достаточно высоком образовательном цензе партийных чиновников того времени свидетельствует фрагмент доклада Т. Усу-

балиева, зачитанного им на проходившем 29 мая 1980 года Пленумов ЦК КП Киргизии. По приведенным докладчиком данным, в номенклатуре ЦК в то время насчитывалось “около 94% работников, имеющих высшее образование, более 65% из них – это специалисты промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства. Из общего количества номенклатурных работников обкомов, горкомов и райкомов партии более 74% имеют высшее образование, 51% – специалисты промышленности и сельского хозяйства. Возросло число партийных работников, имеющих высшее партийно-политическое образование” [4, л. 7–11, 20]. Словом, в рассматриваемый нами период частичной реставрации традиций сталинизма состав партийных работников существенно отличался от состава рядов их предшественников во времена Сталина. Малообразованных партократов, в основной своей массе выходцев из пролетарско-крестьянских слоев, сменили люди той же социальной формации, но уже имеющие высшее техническое либо гуманитарное образование. Прибавим к тому выработанную еще во времена репрессий привычку к лицемерию и двойную мораль, и мы получим психологический портрет партийного функционера того времени. Впрочем, в их среде было немало достойных и честных людей.

Пример, как сохранить целостность личности в условиях метаморфоз политической системы являет собой одна из самых значимых политических фигур Кыргызстана XX века – бывший Первый секретарь Компартии Киргизии Турдакун Усубалиев. Будучи правнуком представителей кыргызской дореволюционной знати, потомком легендарного манап-бия, этот политик (вполне в традиции партийных функционеров его поколения), тем не менее и поныне подчеркивает свое “пролетарское” происхождение [5]. Начал Т.У. Усубалиев свое восхождение на советский олимп, возглавив Фрунзенский горком партии. Как выдвигенец другого известного политика Исхака Раззакова, в 1961 г. был избран Первым секретарем ЦК Компартии Киргизии. На этом посту находился до ноября 1985 г. В СССР ни один руководитель Компартии союзной республики не избирался на данную должность на протяжении без малого четверти века.

Именно в период с 1961 г. до середины 1980-х гг. большинство кыргызстанцев, по крайней мере, субъективно чувствовали себя стабильно и комфортно в составе Союза Советских Социалистических Республик. Если же оперировать фактами, можно убедиться в планомерном

развитии местной национальной культуры и ее носителей – интеллигенции, экономики и институтов государственной власти.

В период 1960–1980-х гг. были построены знаковые архитектурные достопримечательности Кыргызстана – здание Национальной Академии наук, Белого Дома, драмтеатры, Музей изобразительных искусств, Центральная библиотека, ЦУМ “Айчурек”, цирк, строились жилые дома, разрастались микрорайоны. Введены в эксплуатацию аэропорт “Манас” в Бишкеке, а также аэропорты в Оше, Ляйляке, Нарыне и Караколе. Небольшой экскурс в историю достижений республики того времени дополним интересным фактом: именно кыргызские ученые спроектировали установку для забора лунного грунта в составе космического эксперимента “Луна-24”, которая взяла грунт с поверхности Луны.

Так, с позиции внешнего наблюдателя, выглядел прогресс Киргизской ССР той поры. При попытке же проследить тогдашние взаимоотношения интеллигенции и власти изнутри – по материалам ряда архивных документов, видится и другая картина. Судя по всему, стиль отношений госчиновников к творческой и научной элите мало изменился. Перемена состояла, главным образом, в том, что последние перестали ощущать угрозу арестов, что, собственно, и стало лейтмотивом умонастроения оттепели.

Но на расправленных, в результате глотка свободы, плечах интеллигентов привычно лежала все та же тяжесть обязанностей слуги “авангарда рабочего класса”. Например, борьба с “религиозными пережитками” во времена Хрущева и на ранней стадии карьеры Усубалиева, только усилилась, о чем свидетельствует подписанное Т. Усубалиевым постановление Бюро ЦК КП Киргизии от 25 мая 1961 года. Подчеркивая необходимость принять меры к улучшению издательской деятельности, авторы документа, между прочим, напоминают, что нужно вести борьбу “с такими позорными (выделено авт. – С.П.) пережитками прошлого, как ... религиозные пережитки” [6, л. 24–26].

А вот другое свидетельство шельмования духовенства. В постановлении ЦК КП Киргизии о руководстве Фрунзенского горкома партии идеологической работой, в частности, сказано: “... Антирелигиозная пропаганда ведется узким кругом атеистов, слабо используется индивидуальный метод работы с верующими, почти не проводится работа среди мусульман...” [7, л. 14–26]. Далее, Бюро ЦК КП Киргизии постановило, в частности, “Обратить внимание Бюро

Фрунзенского горкома КП Киргизии и первого секретаря горкома т. Бусс А.А. на серьезные недостатки в организации и руководстве идеологической работой и обязать горком партии принять меры к устранению недостатков” [7, л. 14–26].

Как известно, противовесом религии советское руководство всегда считало науку. Пропаганда научных знаний и особое внимание к научным учреждениям было ее второй по значимости мерой после учреждения “домов атеистов”. Нетрудно представить, какие умонастроения могли вызывать подобные “храмы сатаны” у верующих, которые в то время еще составляли достаточно большой процент населения республики.

Что же касается науки, она и в период Усубалиева оставалась под неусыпным вниманием партии. Правда, миновали времена преследований генетиков, кибернетиков и прочих последователей “буржуазной науки”.

“Рулевые” науки и искусства

Диалог представителей власти с учеными шел в то время в более конструктивном русле. Будучи прагматиком и рачительным хозяином, Усубалиев прекрасно понимал, какое значение имеют научные разработки для развития экономического потенциала советской Киргизии. Поэтому подчиненные в своих докладных неоднократно подчеркивали необходимость оптимизации работы научных учреждений.

Что немаловажно, руководство республики уделяло немало внимания сотрудничеству кыргызских ученых с коллегами из Москвы. Сохранилось постановление ЦК КП Киргизии “О приглашении группы ученых Академии наук СССР”. В нем, в частности, предписано “Принять предложение о приглашении группы ученых АН СССР для оказания помощи Академии наук Киргизской ССР по вопросам повышения эффективности организации научных исследований и подготовки научных кадров” [8, л. 19].

Правда, во взаимоотношениях ученых с властью в период Усубалиева была видна закономерность, характерная для более раннего периода советской истории. Как и в сталинские времена, руководство страны больше всего контролировало представителей гуманитарных наук. Власть, как правило, не вмешивалась в содержание физики, химии, математики. Историки и другие гуманитарии были обязаны овладеть марксистским методом исследования и в первую очередь подвергались критике.

Литература и история были объектом пристального внимания кыргызстанских партийных

чиновников времен “развитого социализма”. Например, в 1971 г. был изъят из библиотек и продажи весь тираж выпущенного в сентябре 1970-го стихотворного сборника поэта Аалы Токомбаева “Момия” за то, что туда вошли некоторые стихотворения, написанные автором во время его ареста по ложному политическому делу. Изъятие произошло в соответствии с постановлением ЦК КП Киргизии об ошибках в сборнике стихов “Момия”, выпущенном издательством “Киргизстан”. Как подчеркнул автор документа Т. Усубалиев, в стихотворный сборник вошли “... наряду с поэтическими произведениями, проникнутыми гражданским пафосом, идеями советского патриотизма и дружбы народов, отдельные, в идейно-художественном отношении ущербные, **натуралистические** (выделено авт. – С.Л.) стихи” [9, л. 19]. К слову, А. Токомбаев вскоре после изъятия тиража книги принес партиновникам свои покаяния о “политически неграмотных” произведениях, что и было зафиксировано в постановлении: “Принимая во внимание чистосердечные признания т. Токомбаева о допущенной им серьезной ошибке и его заявление о том, что он в дальнейшем будет с чувством более высокой партийной ответственности относиться к своему творчеству, ограничиться настоящим обсуждением на бюро ЦК”.

Разбор подобных “ошибок” Компартия периодически проводила и в сфере исследовательской деятельности научной интеллигенции. Вполне в традициях сталинизма партийные чиновники советской Киргизии 1960–1980-х гг. порой критиковали исследователей за то, что они осмеливались освещать некоторые факты истории, не сверяя их с мнением классиков марксизма-ленинизма. Именно в этом ключе Т. Усубалиев раскритиковал работы некоторых кыргызстанских историков на совещании партактива в 1972 г. Два года спустя тезисы, содержавшие подобную критику, были изданы отдельной брошюрой в Москве. В этой книге Т. Усубалиев, в частности, указывает: “Отмечая особую роль общественных наук в формировании марксистско-ленинского мировоззрения, в интернациональном воспитании трудящихся, приходится заметить, что отдельные общественеды республики допускали серьезную ошибку в толковании известного ленинского положения о праве наций на самоопределение. Так, доктор юридических наук, профессор К.Н. Нурбеков выступил со статьей, в которой трактует этот вопрос объективистски, абстрактно, без учета конкретных общественно-исторических условий,

отрывает национально-освободительный аспект от социально-классового” [10, с. 57]. Такую реакцию лидера киргизской Компартии вызвало следующее суждение ученого: “Может случиться и случается, что выдвижение представителями той или иной нации требования об отделении противоречит общим интересам борьбы за демократию и социализм. Бывает, что требование о социалистическом самоопределении будет противоречить и интересам нации, от имени которой выдвигается это требование. Даже в этом случае никто не имеет права насильственно вмешиваться во внутреннюю жизнь и силой “исправлять” ее ошибки”.

Одернув ученого за то, что его статья, содержащая “ошибочную трактовку положения о праве наций на самоопределение”, вышла в период, “когда трудящиеся нашей страны в обстановке большого подъема готовились торжественно отметить пятидесятилетие образования СССР”, автор критики даже заподозрил в выводе Нурбекова влияние идеи “буржуазного национализма”: “Вольно или невольно эти рассуждения перекликаются с буржуазной националистической пропагандой, проявляющей в настоящее время особый интерес к “суверенитету”, “праву”, “независимости” советских республик” [10, с. 58]. Добавим, что в свое время вышло даже соответствующее постановление ЦК КП Киргизии от 1 сентября 1972 года “О серьезных ошибках в работе профессора Нурбекова К.”. Как указано в документе, исследователь “... абсолютизирует право наций на самоопределение, отрывает национально-освободительный аспект этого вопроса от социально-классового, совершенно умалчивает, что вопрос о праве наций на самоопределение в каждом конкретном случае решается с точки зрения интересов рабочего класса, трудящихся масс, борьбы за демократию и социализм. Автор упускает из виду, что только такое решение вопроса способствует объединению, сближению и укреплению братской дружбы народов, теснейшему сплочению их в единую интернациональную общность”. Этот эпизод обнаруживает тот факт, что отношение партийного руководства к истории практически не изменилось со времен Сталина. Он, как и его последователи в 1960–1980-е гг., не видел ценности в исторических исследованиях как таковых, рассматривая их лишь в качестве подспорья для оправдания своего политического курса.

За нежелание смотреть на исторические факты обязательно сквозь призму методологии

марксизма досталось и историку В.М. Плоских: “Не всегда правильно в ряде работ освещается история кыргызского народа в период вхождения Киргизии в состав России. Например, в книге В.М. Плоских “У истоков дружбы” (издательство “Кыргызстан”, 1972) возникновение и развитие дружеских связей русского и киргизского народов в XIX в. рассматривается не с точки зрения социально-экономических причин, а с позиций личных пожеланий царских чиновников, киргизских феодалов. Такой подход, конечно, нельзя считать научным, марксистско-ленинским” [10, с. 59–60]. Здесь проявляется черта, характерная для партийных идеологов того времени: отождествляя доктрину марксизма-ленинизма в истории с научным подходом вообще, Т. Усубалиев не считает другие точки зрения научными.

Внутренней подоплекой критики В. Плоских было и то, что автор опубликовал уже серию статей о наличии у кыргызов собственной письменности до революции, что отрицалось официальной историко-лингвистической наукой. А в приложении книги ученый привел фотокопии документов – писем киргизов российским властям, свидетельствующих о наличии такой письменности. Именно письменности киргизов, основанной на арабской графике. Основываясь же на марксистском положении о том, что исторические события обусловлены лишь социально-экономическими причинами, критик нивелирует роль личности в истории. Впоследствии Турдакун Усубалиевич, вероятно, изменил свое мнение по этому вопросу, поскольку в более позднем издании той же работы, помещенной в 2008 г. в его сборник “Избранные речи и статьи” [11], отсутствует отрывок, содержащий критику книги В.М. Плоских. Правда, выпад в адрес Нурбекова здесь сохранен.

В другой своей работе, изданной в 2003 г., он снова повторил критику некоторых отечественных историков: “Отдельные научные работники, увлекаясь натуралистическими подробностями, искаженно освещали дореволюционное прошлое киргизского народа. Подобного рода ошибки допускались в работе зав. сектором Института истории АН Киргизской ССР Усенбаева и в работах других историков о национальных движениях в Киргизии в конце XIX – начале XX веков. И в свое время ЦК Компартии Киргизии дал этим ошибкам принципиальную оценку” [12, с. 564].

Что же касается другого фланга идеологического фронта – роли интеллигенции в искусстве и культуре, на нем рулевые партии также действо-

вали вполне в русле политики своих предтеч. В этом смысле интересен текст выдержки из постановления ЦК КП Киргизии “О серьезных недостатках в руководстве развитием кинематографии в республике”. Квалифицируя пассивность партторгов киностудии относительно их подопечных как “преступную беспринципность”, центральный орган Компартии подчеркивал: “Занимая беспринципную позицию в вопросах идейного содержания кинопроизводителей, Комитет (по кинематографии при Совете Министров Киргизской ССР) этот важнейший участок работы по существу пустил на самотек, отдал на откуп отдельным режиссерам” [13, л. 18–25].

Этот факт, вполне обычный в условиях тоталитарной системы, выглядел уже курьезом в изменившейся культурно-идеологической обстановке. Например, в постановлении ЦК КП Киргизии “Об итогах работы VII съезда писателей Киргизской ССР от 20 июля 1981 года” подчеркнута “необходимость всемерно повышать ответственность писателей перед народом, проявлять больше взыскательности к идейно-художественному качеству создаваемых произведений, с классовых, марксистских позиций давать оценку происходящим в обществе процессам” [14, л. 182].

Что характерно, партия брала на себя даже заботу о росте профессионализма людей искусства, что, в частности, указано в постановлении VII Пленума ЦК Компартии Киргизии: “... Пленум ЦК постановляет: ... Обеспечить дальнейший рост мастерства творческой интеллигенции, направляя ее усилия на создание высокоидейных произведений литературы и искусства” [15, л. 100–112]. На этом фоне трогателен факт, что порой функционеры как бы одергивали сами себя, отмечая, что “... партия чутко относится к творчеству советской интеллигенции, **резко выступает против администрирования** (Выделено авт. – С.П.)”. Но тут же спохватывались: “В то же время она не может быть безразличной к деятельности наших творческих работников. Воспитательная работа партийных организаций в каждом коллективе должна помочь творческим работникам, чтобы их произведения своей идейностью и художественностью еще больше побуждали людей к активной творческой деятельности” [16, л. 12, 13, 15, 18–24, 26].

За два рассматриваемых нами десятилетия ЦК КП Киргизии чаще всего направлял свои директивы именно в адрес интеллигенции. Курируя съезды работников кинематографии, Компартия нередко позволяла себе понукать сценаристов,

активно вмешиваясь в их творческий процесс. Например, авторы постановления ЦК КП Киргизии “О работе киностудии “Киргизфильм” от 20 июня 1962 года” шельмуют ее парторганизацию за то, что та “... не проявляет настойчивости в устранении недостатков в работе студии, слабо осуществляет контроль над деятельностью администрации, мало интересуется работой творческой секции, не вникает в вопросы подготовки и расстановки кадров”. В документе также предписано: “Осудить практику запуска в производство фильмов по слабым, недоработанным киносценариям, повысить требовательность к идейно-художественным качествам сценариев с тем, чтобы каждый фильм стал важным событием в идейной жизни республики” [17, л. 182]. Несмотря на запрет, вернее вопреки ему, интеллигенция Киргизстана сумела сохранить внутренний мир духовности. Так сохранился А. Токомбаев, так появился Ч. Айтматов, так появилось знаменитое “киргизское чудо” – качественный скачок в отечественном кинематографе 1960–80-х гг.

Как видим, партийные и советские руководители Киргизии 1960–80-х гг. недалеко ушли от своих предшественников по части диалога с работниками науки, сферы образования и искусства. Здесь нелишне добавить об одной общей особенности идеологической политики на национальных окраинах Советского Союза. Действовало негласное правило: любая политическая акция центральной власти, особенно когда речь шла о борьбе с “уклонами” в партии и созвучными им веяниями в культуре и искусстве, должна продолжаться в виде аналогичных мер в каждой из союзных республик.

Между тем, снятый по инициативе Н. Хрущева прессинг страха перед тотальными репрессиями не стимулировал изменения тона и стиля партийного руководства. Очевидно, в этом кроется одна из причин, по которой впоследствии курс на демократизацию постепенно был свернут и страна вновь откатилась к тоталитарной системе правления. Прагматичный Т. Усубалиев успешно пережил смену политического курса. Киргизия в течение многих лет продолжала оставаться сравнительно благополучной, в меру процветающей республикой. О процессах, подспудно происходивших в это время в стране, можно судить по событиям последующей “перестроечной” второй половины восьмидесятых и лихих девяностых, когда именно интеллигенция была авангардом борьбы за демократизацию общества. Но здесь уже проявились новые ее

черты: переход от огульной поддержки власти к созданию оппозиционных движений и партий. Созидательная направленность вскоре переродилась в иждивенчество, возрождение трайбализма, разрушение духовности.

Каковы же итоги “эпохи” Усубалиева? В индустриализации страна совершила огромный качественный скачок. Из отсталой аграрной колониальной окраины бывшей Российской империи превратилась в одну из наиболее развитых индустриально-аграрных республик СССР, появилась и окрепла производственная интеллигенция. Налицо прогресс и во многих областях науки и искусства, особенно в художественной литературе и кинематографии. “Киргизское чудо” в документальном и художественном кино, гений Чингиза Айтматова в литературе формировались именно в усубалиевские времена, во времена тотального контроля Компартии. Но впоследствии это стало одной из причин временного упадка кыргызской науки и искусства, в том числе и кинематографа. Новому поколению кыргызстанской интеллигенции приходится строить новые отношения с властью. Сама интеллигенция пошла во власть, часто теряя духовные принципы, не сумев сплотить народ для создания нового государства с подлинно демократическими принципами и свободой.

Ожидаемые результаты идеологической работы, особенно “боевое наступление” на религию, создали, скорее, обратный эффект. Подспудно зревшее многие годы недовольство Советской властью, постепенная девальвация ее моральных императивов привели в итоге к возрождению наиболее реакционных, даже архаичных стереотипов массового сознания, вплоть до негласной поддержки большинством жителей юга республики идей экстремистов из Хизб-ут Тахрира о создании на территории Кыргызстана исламского халифата. В довершении упомянем о другом пережитке кыргызстанского феодализма – трайбализме. Мог ли Т. Усубалиев в свое время инициировать меры, чтобы изжить это явление? Спорный вопрос. Но остается фактом: за годы брежневского “застоя” произошла консервация родоплеменных отношений. Они, как свидетельствует опыт современной Кыргызской Республики, не только возродились, но и весьма окрепли в новых рыночных условиях. И в этом также немалая доля вины новой интеллигенции.

Литература

1. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории

- феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2005.
2. *Плоских С.В.* Репрессированная культура Кыргызстана. Малоизученные страницы истории. Бишкек, 2002, гл. II.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 9. М., 1986.
4. Из доклада Первого секретаря ЦК КП Киргизии Усубалиева Т.У. на Пленуме ЦК “О работе республиканской партийной организации по выполнению требований XXV съезда КПСС, указаний и рекомендаций тов. Л.И. Брежнев по дальнейшему совершенствованию подбора, расстановки и воспитанию кадров, укреплению партийной и государственной дисциплины”. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 222. Д. 5.
5. *Тимирбаев В.* Интервью с руководителем Советской Киргизии на посту Первого секретаря ЦК Компартии Киргизской ССР (занимал этот пост с 1961 по 1985 гг.). Подготовлено по случаю 90-летнего юбилея Т. Усубалиева // Слово Кыргызстана. 2009. 23 сентября.
6. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1288.
7. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1350.
8. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 1505.
9. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 179. Д. 63.
10. *Усубалиев Т.* Интернациональное воспитание трудящихся. Идеологическая работа: опыт, проблемы. М., 1974.
11. *Усубалиев Т.У.* Избранные речи и статьи. Книга 1. Бишкек, 2008.
12. *Усубалиев Т.У.* О нашем времени и о делах моей жизни. Только хорошо зная прошлое, можно создать настоящее, предвидеть будущее. Бишкек: Шам, 2003.
13. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 155. Д. 36.
14. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 1447.
15. Из постановления VII Пленума ЦК Компартии Киргизии “Об итогах июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС и задачах партийных организаций Киргизии”. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4, Д. 1378.
16. Из доклада Турсунова А.Д., заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КП Киргизии на Объединенном пленуме творческих союзов Кирг. ССР от 28 января 1969 г. ЦГА ПД КР, Ф. 56, Оп. 168, Д. 117.
17. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1345.